

> МАТИС ТРАЛЪ >

Поцелуй вампира

Русская мистика

Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
П64

Художественное оформление серии
Натали Портяной

П64 **Поцелуй** вампира : русская мистика. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-225907-4

Забудьте о бледных аристократах в плащах с западноевропейских холмов. Русский вампир — явление иное, куда более загадочное... Он — упырь, вурдалак, мертвец-убийца, бродящий не по готическим замкам, а по тускло освещенным улицам губернских городов, по темным лесам и сумрачным усадьбам, где пахнет страхом и грехом.

В сборник русской вампирической прозы вошли рассказы Валериана Олина, Владимира Даля, Григория Данилевского, Тэффи, Евдокии Нагродской, Алексея Толстого и других писателей.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-225907-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ВАЛЕРИАН ОЛИН

ВАМПИР

Рассказ из хроники Саксона Грамматика

Два вождя или князя Нормандских поклялись друг другу быть ратными братьями, и клятва сия обязывала их не только подавать взаимную себе помощь во всех приключениях их бранного острова, но даже не переживать друг друга. Асвейт погиб первый в сражении, и Асмонд, его сотоварищ, верный их ужасному условию, хотел быть погребен живой в его гробнице. По обычаю севера сия гробница была обширный погреб, в который вместе с прахом усопшего опускали его коней и военные трофеи. Когда обряд погребения был совершен, Асмонд сошел в последнее жилище своего ратного брата, и ни один взгляд, и ни одно движение не обнаружили в нем ни малейшего сожаления. Воины обоих вождей завалили вход в погреб одним из тех огромных камней, кои отличают еще до сих пор мавзолеи храбрых Нормандцев, засыпали землю и, простясь со своими вождями, рассеялись как стадо, потерявшее своего пастыря.

Годы прошли за годами; уже протекло сто лет, как однажды некоторый вождь Шведский прибыл в долину, получившую свое наименование от мавзолея двух соратных братьев. Выслушав историю их жизни, вождь сей решился открыть погреб, отчасти для того, что у народа сего почиталось подвигом храбрости презирать гнев героев, возмущая мир гробниц их; отчасти чтобы завладеть добрыми копьями и другими оружиями, посредством коих завоевали они свою славу. Таким образом, он приказал своим воинам приступить к работе; но самый отважнейший из сих пиратов содрогнулся и отступил, когда вместо безмолвия могилы они услышали во глубине сего жилища смерти ужасные крики, звук оружия, стук мечей, одним словом, весь шум смертельного боя между двумя единоборцами. Однако ж, несмотря на то, один молодой воин был опущен в погреб посредством веревки, которую вскоре потом вытянули обратно, чтобы узнать о причине сей странной тревоги; но кто-то другой занял место сего отважного молодого человека, и веревка вытащила Асмонда, одного из двух соратных братьев, пережившего другого. Он предстал пред взоры Шведов с мечом в руке, с разбитым вдребезги панцирем, и левая щека его была вся изодрана, как бы когтями хищной птицы. Едва увидел он дневный свет, как с сим даром импровизации поэтической, столь свойственным древним воинам, он рассказал в стихах, что едва только

навалили могильный камень на него и на Асвейта, как труп сего последнего вдруг ожил. Сей Вампир, жадный крови, сначала растерзал и пожрал коней; потом, с окровавленными челюстями, устремился он на храброго вождя, давшего столь неоспоримое доказательство своей дружбы. Герой сей, нисколько не уstraшенный, схватил свое оружие и защищался мужественно против Асвейта — или, лучше сказать, против демона, облекшегося в его тело. Сие ужасное единоборство продолжалось уже целый век, и Асмонд в ту самую минуту, как открывали погреб, поверг на землю своего противника и вбил ему в спину кол, чтобы довести его навсегда до обыкновенной гробовой неподвижности. Прославив таким образом свое торжество, Асмонд упал мертвый перед изумленными Шведами, которые вынули из могилы Асвейта и сожгли его, бросив пепел на ветер, и положили на его место тело победителя, надеясь, что он уже будет отдыхать спокойно в сем уединенном мавзолее.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

УПЫРЬ

Украинское предание

Отец Маруси был казак зажиточный, а мать ее добрая хозяйка, так они и жили хорошо; а как дочь была у них одним-одна, то они в ней души не слышали, баловали ее и одевали краше всех девок на селе. Марусе и всего-то был тринадцатый год; но когда она, бывало, в воскресенье выйдет погулять разодетая как невеста, то уж к девчонкам не пристаёт, а все к большим девушкам, чтоб с ними скорее поровняться. И правду сказать, что скоро стали на нее все паробки¹ заглядываться; а когда она еще немного подросла и сложилась, то все знали, что не только на селе, но и во всем повете не было красавицы против Маруси. Марусенька, рослая и статная, была и покруглее других, и потоньше их: она и не глядела простой мужичкой, и немного было таких пышных девушек даже между богатыми хуторянками.

¹ Паробок — парень (укр.).

И, видно, Маруся сама знала, как она была хороша, потому что, гуляя с подругами, не давала, однако же, никому из паробков к себе приступить, а, влюбив их в себя, тешилась над ними, забавлялась и только дурачила. От этого и прозвали ее гордой Марусей и говорили, что она не пойдет за простого, хорошего человека, а разве только за паныча в тонкой сукманке¹. Маруся отшучивалась, а все держалась против парней строго; но подруг своих, девок, не чуждалась и часто их обдачивала и наряжала; а уж убрать голову, заплести и положить вокруг косы ленты, заткнуть к вискам пучочки цветов — этого никто не умел сделать против Маруси, хоть она и не училась этому нигде, а так сама знала. Бывало, когда время такое, что никаких цветков нет, то достанет пучок старых сухих, что и смотреть не на что, либо желтеньких да лиловых неувядалок, или хоть просто пучочек алой калины, да как только уберет этим голову свою, то ровно на ней все расцветет и заиграет, и так она хороша, что ни одна девка не украсится против нее и самыми лучшими цветочками.

Пришла осень, и по обычаю от праздника Андрея Первозванного начались девичьи вечера; все собираются в одну избу, каждая приносит с собою что есть, пекут пампушки, вареники, пьют и едят, и веселятся. Собрались

¹ Сукманка — суконный кафтан.

они, и Маруся с ними; напекли и наварили всего. Вечером пришли и парни, один со скрипичей, другой с сопелкой, и началась пляска и такая гульба, что дым коромыслом. А Маруся все больше особнячком себе, как ломливая гостья; смотрит она и шутит, мотается туда и сюда, а до нее не дотыкайся никто. Наконец упростили ее, что пошла плясать, да и то с тем уговором, чтобы парень не трогал ее, а плясал бы сам по себе, а она сама по себе; как пошла — то все загляделись на нее, не могли налюбоваться.

Вдруг входит в избу молодец, которого никто прежде тут не видал: и собой пригож, и одет так чисто и хорошо, как у самых богатых казаков редко дети одеваются, одна шапка смущатая чего стоит, пояс, чоботы¹, а платок шелковый, персидский. Поздоровался он со всеми, девушки сказали: «милости просим», он тотчас и достал кошелек с деньгами и посылает парней за медом, пивом, наливками, пряниками и орехами. Вот одна из девок вызвала брата своего, чтобы шел скорее за лакомствами, а тот, взяв деньги от чужого молодца, стоит да и вертит их промеж пальцев. «Что ж ты?» — а он и показывает, что вместо четвертачка чуженин дал-таки настоящий золотой червонец! Тот глянул: «Все одно, — говорит, — ничего, ступай, там сдадут; а не то хоть на все возьми, коли съедят, на здо-

¹ Ч о б о т — сапог, башмак (*устар.*).

ровье!..» Люди поглядели на него, переглянулись да и притихли, таких-де богачей в нашем околотке не водилось!..

Пошло гулянье, пляска, и Маруся не отказывалась плясать с чуженином, а он всех угощает и потчует, а сам с нею с одною только и водится. Так он, видно, сразу полюбил Марусю, да и она на него ласковее смотрела, чем на Михалка и на других; а плясал он так, что все на него загляделись и решили, что один он только в ровни Марусе и годится. Пришла полночь, и гость говорит, что пора ему домой; взял он шапку, утер лицо шелковым платком и просит Марусю, чтоб она его проводила хоть до ворот. Она было призадумалась, да девки спровадили ее: «Иди, — говорят, — отчего тебе такого хорошего человека не проводить?» Как только они вдвоем вышли, то он поцеловал Марусю и спросил ее: «А пойдешь ли ты за меня?» — «Что ж! — отвечала она, — вы, кажется, хороший человек, возьмете, так отчего не пойти?» Он поцеловал ее и ушел.

Воротившись, Маруся недолго посидела на вечернице, грустная, задумчивая, и никто не мог ее развеселить. Правда, что она не резва была и в прежнее время, а всегда держалась и пышно, и гордо, но все-таки она была теперь не та, что прежде; это заметили все, и потому, посмеявшись, в голос решили, что Маруся полюбила чуженина и теперь уж подавно никого не захочет знать из ровней своих; а гость этот

должен быть богатый хуторянин, коли не сам дворянин, но никто не знал, откуда он взялся.

Михалка, о котором мы упомянули, слушал также все это молча, подгорюнившись еще больше, чем Маруся, и скоро ушел. Это был добрый и предобрый детина, но не так богатый, а простой и работающий, который давно уже любил гордую Марусю, не смея ей сказать этого, и не надеялся увидеть своего счастья, потому что она не глядела на него, и он видел, что услуги его ей докучают. Он, горько вздохнув, побрел домой, посидел еще с часок на завалинке, прислушиваясь издали, как на вечернице гуляют, да раздумывая о горе своем, а потом вошел в избу, где отец и мать его давно спали, и также завалился, горемычный, на свое место. «Не видать мне счастья своего, — подумал он, — а другой не возьму, сердце не примет; так и буду колотиться, лишь бы день за днем проходил...»

Маруся пришла домой, и мать расспросила ее, хорошо ли она погуляла и что у них там было. Маруся рассказала все, и про чужого человека, красавца и богатого, который ее сватал. «Кто ж он такой, — спросила мать, — и откуда?» — «Не знаю». — «Так ты, доню¹, как пойдешь опять завтра вечером, верно, он будет, и расспроси его хорошенько обо всем».

На другой вечер Маруся оделась и нарядилась опять как могла получше и пришла на

¹ Ласковая форма слова «дочь».

вечерницу, а вскоре пришел и вчерашний молодец. Михалка сердечный уж и не приходил больше, хоть его мать и посылала, а сказал: «Не хочу, что я там буду делать? Есть без меня...» Вот опять пошла гульба вчерашняя, опять молодец тряхнул деньгами, всех употчевал лакомствами и плясал с Марусей на диво: она была так весела и игрива, что все ею любовались; а когда жених ее пошел домой и вызвал ее опять проводить его, то она спросила его, кто он, откуда и как его зовут? Он отвечал, что он панского роду, а не простого, что у него богатый хутор и много скота, а зовут его зовуткой: «Какая тебе нужда, Петра ли ты полюбила, Максима ли? Как бы ни звать, а за имя не разлюбить стать!» С тем и ушел.

Маруся прямо пошла домой и рассказала все матери, а та дала ей на другой вечер клубок пряжи и сказала: «Когда будет уходить хуторянин твой и с тобою прощаться, то прицепи ты ему нитку, а сама стой и разматывай клубок, покуда нитка больше не будет тянуться; тогда пойди осторожно по нитке следом за ним, и ты увидишь, по какой дороге и куда жених твой ушел».

На другой вечер все шло по-прежнему; девки насилу дождались тароватого¹ чуженина, который всех их потчует всякими лакомствами, так хорошо пляшет и веселит всю вечерницу;

¹ Тароватый — щедрый (устар.).

он опять ухаживал более всех за Марусей и позвал ее за собой в проводы. Тут она сделала, что велела мать, и наконец, никому не сказав ни слова, пошла одна ночью, чтоб выследить своего хуторянина. Нитка недолго шла по улице, а, повернув по проулочкам, пошла через плетни, дворы, а там задами на край села; Маруся остановилась было, но, подумав, бойко пошла по ней дальше. «Неужто я своего суженого буду бояться? — подумала она. — Пойду, куда он, туда и я; теперь же темно, ему меня не увидеть, а хоть бы и увидал — нужды нет; скажу, что хотела узнать, откуда и кто он». Но Маруся вскоре опять робко остановилась: нитка довела ее до кладбища, которое было без огорожи или канавы, тотчас за селом. «А что ж, — подумала она, — коли он прошел тут, то и я пойду за ним. Тут дедушка мой лежит и бабушка — чего мне бояться?» Еще раз десяток шагнула Маруся, и нитке был конец: она уходила в землю. Чтоб увериться, так ли это, Маруся потянула за нитку: кто-то сильно дернул ее к себе в землю, оборвал в руках Маруси и отвечал на испуг Маруси не голосом, а синим огнем, который вспыхнул на могиле и погас. Бедная девка, не помня себя, бросилась бежать, спотыкаясь впотьмах и падая, и наконец чуть живая добежала домой; тут она долго отдыхала и потихоньку вошла в хату.

Мать, однако ж, услышала ее и спросила: «Что, доня моя, был он?» — «Был». — «Что

ж?» — «Обещается взять за себя». — «А по клубку следила?» — «Следила, да недалеко — оборвал он нитку и бросил».

Наутро Маруся весь день ходила как сама не своя, с больной головой, и ничего не могла ни припомнить хорошенько, ни понять; но ей чудились во сне и наяву такие страсти, от которых в ней замирала кровь: будто видела она, когда вспыхнуло синее пламя, что делалось под землей, в могиле, и будто милый ее, страшно сказать... — грыз там покойника. Она все молчала, не смела ничего сказать; прошел вечер, и мать ее опять посылает: «Иди, доня, да играй и веселись хорошенько, чтоб любо было и тебе, и другим». А мать, которая, бывало, часто журила Марусю за гордость и недоступность ее, боясь, чтоб не ослабилась она через это и чтоб не откинулись все женихи, рада-радешенька была, что дочь наконец хоть кого-нибудь нашла по себе, да еще богатого хуторянина.

Пошла дочь, и все опять до конца было то же; только она боялась идти провожать своего жениха и хотела было отказаться; но прочие девки все за него заступились и выпроводили ее почти силой: «Иди, чего ты, дура, боишься, с таким молодцом? Да впервые, что ли, тебе провожать его?» Пошла. Он остановился, спросил опять: «Пойдешь за меня?» Ей нечего больше говорить, отвечает: «Пойду». — «А была ты вчера ночью на погосте?» — «Нет, не была». —